

Гречко: Я считаю, что настоящий академик, это тот у кого широкий диапазон знаний. Если человек в чем-то одном высочайшей степени профессионал – это еще не настоящий академик. Сейчас, как мне кажется, снизился уровень академиков (звание академика Нью-Йоркской академии наук можно за 400 долларов купить). Для меня такими настоящими академиками были кораблестроитель Крылов и Борис Викторович Раушенбах.

Я хочу рассказать об одном случае, потому что мне очень хочется отдать дань уважения Борису Викторовичу и что бы люди узнали его еще с одной стороны.

Это происходило в летящем самолете, совершавшим рейс Москва-Байконур. Где-то среди ночи я просыпаюсь. Со мной рядом сидит какой-то человек и читает толстую книгу в красном переплете. Три часа ночи. Толстая книга. Не детектив. Естественно, я спрашиваю:

– Извините пожалуйста, а что Вы читаете?

Он так любезно отвечает, что это книга китайского автора «Сон в красном тереме». В три часа ночи, китайский автор. Конечно, я еще больше изумился:

– А что, это интересно? – задаю такой дурацкий вопрос.

– Да, потому что здесь описывается период, когда одна китайская династия сменяется на другую. И это очень интересно.

Он назвал эти династии, сейчас я их уже не помню, и я опять поразился – интересоваться сменой китайской династии через художественное произведение среди ночи в самолете. Настолько серьезно человек интересуется историей, литературой Китая.

Тогда он говорит:

– А Вы что читаете?

– У меня «Фауст».

– Разрешите Вашу книжку.

Я ему передал. Он посмотрел, полистал, нашел какое-то место, прочитал:

– Да, ошибки.

Тут я уже совсем не знаю, что думать – это-то уже немецкая литература. И перевод Пастернака.

Какие ошибки? Где? Почему? Он говорит:

– Ну посмотрите. Вот это место. Как Вы понимаете, какой смысл несет вот этот десяток строк?

(стр. 111-112 Фауста)

Я читаю.

– Нет тут никакого смысла да и не должно быть, потому что это же так и называется «Молитва ведьмы» поэтому, естественно, бессмыслица, потому что молитва ведьмы – это бессмыслица.

Священника молитва, грешника, а молитва ведьмы – это бессмыслица. Поэтому и бессмысленно.

– Нет. В оригинале там есть смысл. В оригинале это описывается магический квадрат. Квадрат чисел, в котором сумма чисел по диагонали, вертикали и горизонтали одинакова.

Вот таким я первый раз увидел Бориса Викторовича Раушенбаха. Я был потрясен феноменальными знаниями этого человека, широтой его интересов и при этом таким спокойствием...

Наверное, я ничего больше не могу рассказать, чего бы другие не знали. Кроме того, пожалуй, что было какое-то мероприятие в «Меридиане» лет 10 назад и Борис Викторович вспоминал трагические эпизоды своей жизни. Видимо это заставило его вновь все пережить, всколыхнуло в нем самые тяжелые моменты его жизни. Да если бы тяжелые были только моменты! Годы! И почему-то из его глаз потекли слезы. Конечно, он не рыдал, как женщина, не рвал на себе волосы, но по лицу этого человека текли слезы и все это видели.

На нашей фирме, у Королева, он пользовался глубочайшим уважением – его называли БВ.

Пошло это, наверное, от того, что Сергей Павлович на документах рабочего порядка, которые не выходили наружу, расписывался коротко – СП. И все знали: СП – это Сергей Павлович. И вот был еще БВ, и все знали – это Борис Викторович Раушенбах. Я не помню в то время кого еще так называли...

Бернгардт: Я обратил внимание, у Вас на стеллаже целая подборка Виктора Суворова. Вы все это читали?

Гречко: Я смотрел только у него о том, как сказался расстрел командных кадров перед войной и его взгляд, очень интересный, на то, что Сталин сам планировал напасть на Гитлера. Гитлер его переиграл. Хотя серьезные историки отрицают эту версию, он пишет достаточно убедительно.

Мне кажется, что серьезные историки просто отмахиваются от этого. Я не специалист, но я думаю, что не надо от этого отмахиваться. Надо серьезно опровергнуть или серьезно подтвердить.

Бернгардт: Скажите, а Вы внимательно посмотрели «Штрихи к судьбе народа»?.

Гречко: Нет, просто пролистал.

А вот там рядом стоит «Фауст» в оригинале и там есть, естественно, молитва ведьм и, конечно, Борис Викторович был прав.

Бернгардт: Почти как всегда...

Гречко: Ну, всегда, наверное, прав только Бог.

Я хочу еще сказать, что я поздравлял его с днями рождения, выражал ему свое искренне восхищение. Мне от него ничего не нужно было, я никогда его ни о чем не просил, но я звонил ему чтобы он знал, что его уважают и помнят. Два раза в этом разговоре я пытался понять то, что, наверное, на земле знают всего два-три человека. Это понимание Троицы – то, что Бог един и в тоже время триедин. Два раза он мне объяснял свое видение этого одного из, наверное, самых трудных вопросов религии. К сожалению, моего уровня знаний, хотя я доктор физико-математических наук, было недостаточно. Наверное, надо было быть доктором философии и я, к сожалению, не понял. Я только могу констатировать: он это понимал, у него было свое объяснение. Я больше не знаю людей, которые бы этот вопрос глубоко понимали. Конечно, если обратится к любому священнику, он ответит на этот вопрос, но глубины не будет и ответ будет не удовлетворительным. А Борис Викторович разобрался в этом вопросе.

Это один из величайших умов, который достиг многих вершин. Вот Эйнштейн открыл теорию относительности и еще, вроде бы, на скрипке хорошо играл, а Борис Викторович разрабатывал теоретические, скажем так, корни древнерусской иконописи, африканской живописи. Он был высочайшим специалистом-двигателистом. Он был высочайшим специалистом в теории устойчивости и ее применении к космическим аппаратам. И вот еще теология, причем не какие-то мелочи наукообразные, а самый трудный вопрос – Единство и триединство Бога. Вот такой это был настоящий академик.